

В.П. Казаков¹
V.P. Kazakov

СОЦИАЛИСТЫ ПРОТИВ РАДИКАЛОВ: СПОРЫ О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ АРГЕН- ТИНЫ

SOCIALISTS AGAINST RADICALS: DIS- CUSS ABOUT THE DEVELOPMENT OF ARGENTINA

Аннотация: В статье рассматривается идеология и политика Социалистической партии и Гражданского радикального союза – двух партий, которые вели борьбу с олигархическим режимом в Аргентине в конце XIX – начале XX вв. У них были общие цели: всеобщее избирательное право с представительством меньшинства, пропорциональная избирательная система, автономия провинций. Но более существенными были различия. Они касались мировоззрения, программы социально-экономических преобразований, отношения к господствующей в стране политической культуре, которую социалисты стремились модернизировать.

Ключевые слова: Аргентина, Хусто, Иригойен, Социалистическая партия, Гражданский радикальный союз, креольская политика, политика непримиримости.

Abstract: This article examines the ideology and policy of the Socialist Party and the Union Civica Radical. These parties were organized in Argentina to dispute the rule of the oligarchy. Various aspects of their program coincided: universal suffrage, a proportional electoral system

¹Казаков Владимир Петрович – доктор исторических наук. Институт всеобщей истории РАН; Kazakov Vladimir P. – doctor in history. Institute of World History RAS.

with minority representation, respect for municipal autonomy. But their differences were more significant. The philosophical divisions of the two parties were irreconcilable. The program that included provisions for political, social and economic change set the Socialists Sharply apart from the radicals. Their attitude towards the prevailing political culture differed greatly. The Socialists opposed the political Creole of the UCR. As a party the Socialists planned to provide a model for political organization and activity, a model that would serve to alter the prevailing political culture in the republic.

Keywords: Argentina, Justo, Irigoyen, the Union Cívica Radical, Socialist Party, policy Creole, policy of intransigence.

DOI: 10.32608/2305-8773-2019-22-1-7-34

В социалистической партии Аргентины (СПА) с момента ее создания в 1896 г. возникла тенденция не принимать во внимание борьбу Гражданского радикального союза (ГРС) или радикальной партии с олигархическим режимом, который господствовал в Аргентине в 1880–1916 гг. Будущий основатель и бессменный лидер социалистической партии Х.Б. Хусто, начал свою политическую деятельность в рядах Гражданского союза – предшественник ГРС, но очень скоро, не несогласный с курсом на вооруженное восстание против олигархического режима, вышел из него. Хусто считал, что вооруженное восстание с участием армии приведет к развитию в Аргентине милитаризма. Вместо восстания он предложил новый метод политической борьбы – всеобщую забастовку налогоплательщиков². Это могло стать важным стимулом политической мобилизации широких слоев населения. Однако план Хусто не был принят. С этих пор у него появилась стойкая неприязнь к традиционной политике заговоров и мятежей.

Вместе с тем марксисты 90 г. – группа немецких иммигрантов во главе с Г.А. Лальманом, для которых Аргентина стала второй родиной – считали, что борьба радикалов против олигархического режима носила революционный характер. Это показала дискуссия, развернувшаяся на страницах органа СПА газеты «Ла Вангвардия».

² Cuneo, 1956. P. 57.

В газете было опубликовано письмо Ф. Энгельса к лидеру итальянской социалистической партии Ф. Туратти, где он высказал ряд принципиальных соображений о политике социалистов в отношении буржуазных республиканцев. Письмо Энгельса вызвало оживленную полемику на страницах газеты. Применимы ли положения Энгельса о поддержке социалистами буржуазных республиканцев в общедемократической борьбе в условиях Аргентины? Точка зрения марксистов 90 г., сформулированная Лальманом, содержала утвердительный ответ. Группа Хусто полагала, что письмо Энгельса неприменимо к аргентинским условиям для обоснования союза трудящихся с какой-либо буржуазной партией. «Есть ли здесь партия, которая преследовала бы столь революционную цель как в Италии – установление республики? Нет [...] если мы хотим однажды создать партию сознательных трудящихся, необходимо избегать контактов с буржуазными партиями»³. В специальной редакционной статье «Социалисты в аргентинской политике» излагалось, по существу, реформистское кредо группы Хусто. «Революционная деятельность социалистических партий, – утверждалось в ней, – есть и будет еще в течение многих лет совершенной утопией [...]. Лучшим способом воспрепятствовать рабочим бесполезно вступать в уже существующие партии, это развернуть среди них агитацию за понятные для всех реформы»⁴.

Возобладала реформистская точка зрения Хусто. СПА стала партией социальных и политических реформ, а не революционного действия. Программа-минимум социалистической партии была нацелена на защиту интересов рабочего класса и на развитие капитализма в его наиболее демократических формах. Она предусматривала наряду с социально-экономическими требованиями демократизацию общественно-политической системы страны. Партия боролась за всеобщее избирательное право без различия пола, предоставление политических прав иммигрантам и их натурализацию, муниципальную автономию, ликвида-

³ Ratzer, 1970. P. 148.

⁴ Ibid. P. 149.

цию армии и ее замену милицией, отделение церкви от государства, 8-ми часовой рабочий день, принятие рабочего законодательства. С этой целью социалисты предлагали реформу конституции: отмену ст. 2 об обязательной поддержке государством католической религии и изменение ст. 20 с целью облегчения натурализации иммигрантов путем простого внесения их в список для голосования⁵.

Ведущая роль в выработке программных установок СПА принадлежала Хусто. Его идеи и доктрина определяли идеологию и политику партии. Хотя он стал первым переводчиком на испанский язык I тома «Капитала» Маркса, марксизм никогда не был для него мировоззрением, а лишь одной из форм знания. По его мнению, социал-дарвинизм, борьба за существование, естественный отбор «находятся в согласии с теорией социализма». Хусто отмечал, что идея Г. Спенсера о социальной эволюции, ведущей к росту индивидуальной свободы, стала одной из идейных причин его вступления в социалистическое движение.

Хусто признавал за Марксом открытие того, что техника в процессе человеческой эволюции является основой. Из марксизма Хусто взял роль человека в его практической реализации и признания борьбы классов как движущей силы истории. Он считал, что изменения в способе производства влекут за собой новый этап в социальной эволюции. Экономические изменения в обществе вызывают перегруппировку людей в новые общественные классы. Следствием классовой борьбы является политический прогресс. Исходя из того, что историческая теория есть развитие событий, изложенных в логическом порядке, Хусто выделял борьбу классов как главный динамический фактор истории.

Вместе с тем Хусто отвергал насильственные методы классовой борьбы. «В борьбе классов насилие то же самое, что и борьба между народами, оно означает биологическое состояние войны»⁶. Он осуждал Парижскую коммуну, называя ее «ужасным эпизодом современной классовой борьбы», и ее причины

⁵ Movimiento socialista y obrero, 1910. P. 133.

⁶ Justo, 1909. P. 432.

усматривал в чрезмерном преувеличении значения завоевания политической власти, диктатуры пролетариата и в «безразличной и враждебной другим фундаментальным действиям народа – профсоюзной, кооперативной, парламентской»⁷.

Хусто признавал огромное значение пролетарских профсоюзов, которые «материально и интеллектуально поднимают современный рабочий класс, вытаскивают его из ненависти и неосознанности», вместе с тем не преувеличивал значение забастовочной борьбы, не симпатизировал всеобщим забастовкам: «Они всегда представляют собой насильственную, разрушительную агитацию, сопровождаемую, как правило, кровавыми событиями [...]. Всеобщая забастовка развивает чувства, но мало или совсем не развивает созидательные способности народа»⁸.

Созидательные способности рабочих призваны были развивать кооперативы. «В кооперативах, – считал Хусто, – рабочий класс не действует как наемные рабочие, а как потребители, покупатели и производители, как хозяева средств производства». Кооперативы не только поднимают уровень жизни трудящихся, освобождая их от паразитических посредников, но и развивают технико-экономические способности народа. «Свободные кооперативы, – подчеркивал Хусто, – демонстрируют, что для высшего уровня производства не нужна частная собственность на средства производства, ни другие привилегии»⁹. По убеждению Хусто, «кооперативы один из методов освобождения рабочего класса, один из вариантов классовой борьбы»¹⁰. Но решающее значение имеет политическая борьба пролетариата.

Свой путь к социализму Хусто обозначил как «рабочая демократия». Увеличение политической силы рабочего класса, заявлял Хусто, создает условия для все более широкого участия рабочих в политической жизни, так как «буржуазия не способ-

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. P. 436.

⁹ Ibid. P. 412.

¹⁰ Ibid. P. 389.

на в одиночку управлять процессами исторического развития, что доказывает безработица, банкротства, забастовки, экономические кризисы и другие разрушающие общество конфликты»¹¹. Проявлением этого он считал возникновение нового исторического явления, всеобщего голосования, «благодаря которому трудящиеся смогут участвовать в формировании правительства и в исполнении государственной власти»¹². Признавая классовый характер буржуазного государства, Хусто вместе с тем считал, что по мере роста влияния трудящихся в экономической и политической жизни, оно будет постепенно утрачивать функции подавления и развивать функцию управления, «поскольку данное государство будет меняться по мере участия в нем представителей рабочих»¹³.

Рабочая демократия немыслима без рабочей партии. С ее созданием политическая деятельность трудящихся приобретает новую силу для ведения на законной основе классовой борьбы, для завоевания политической власти и обобществления средств производства. Рабочая демократия отлична от буржуазной. Если последняя на развалинах замков и алтарей утверждала абсолютную частную собственность, то рабочая демократия ее отменяет, как источник привилегий и угнетения.

Рабочая демократия у Хусто связана с новым пониманием классовой борьбы, которая трактуется не как «социальная бойня», а как возможность регулировать и гарантировать отношения между людьми. Постоянной задачей рабочих партий является принятие рабочего законодательства с обязательным арбитражем, установление которого, как считал Хусто, возможно только рабочей демократией. В качестве примера он приводил Новую Зеландию, где «народ есть государство»¹⁴.

Рабочая демократия должна бороться с монополиями. В качестве первого шага необходимо установить государственный контроль над трестами, а в дальнейшем передать их в обще-

¹¹ Ibid. P. 438.

¹² Ibid. P. 419.

¹³ Ibid. P. 680.

¹⁴ Ibid. P. 461.

ственные руки. В муниципальную собственность должны перейти все предприятия общественного пользования. Пример Германии убеждал Хусто, что железные дороги должны быть государственными.

Хусто был противником насильственного навязывания рабочей демократии. Необходимо добиваться взаимопонимания сторон для принятия нового порядка, чтобы все сознательно и добровольно вошли в него. В целом, по мнению Хусто, рабочий класс был еще не в состоянии провести немедленное обобществление и построить демократическое государство. Но необходимо было начинать это делать: добиться присутствия рабочих представителей в органах государственной власти.

Как же социалистическая партия намеревалась получить представительство в органах власти, если в стране не было свободных выборов? С момента своего создания партия принимала участие во всех фальсифицированных выборах, рассматривая избирательный процесс как школу гражданственности, где народу дается понятие о его правах, а сама партия приобретает практические навыки работы с избирателями¹⁵. Социалисты считали, что получив таким образом политическое образование, трудящиеся в конце концов добьются демократизации политической системы страны. В этом заключалось коренное расхождение социалистов с радикалами.

В отличие от СПА ГРС возник под знаменем борьбы с олигархией. Решающую роль в развитие его идеологии и политики сыграл И. Иригойен, возглавивший радикальную партию после смерти ее основателя А.Алема. Иригойенизм – система социально-политических и философско-этических принципов стал доктриной, идейно-теоретической базой деятельности ГРС, ответом радикалов на стоящие перед аргентинским обществом проблемы. На формирование мировоззрения Иригойена большое влияние оказали идеи немецкого философа-идеалиста К.Ф.Ф. Краузе (1781–1832), сделавшего моральные принципы лейтмотивом своей философии.

Для Иригойена задача установления политической демокра-

¹⁵ Movimiento socialista y obrero, 1910. P. 35–36.

тии имела общенациональный характер и касалась каждого аргентинца. На этом основании он обосновывал законное право на существование ГРС как общенационального движения и отказывался от выработки конкретной программы, ограничиваясь требованием соблюдения национальной конституции.

Вместе с тем причины отсутствия демократического режима Иригойен видел не только в правительственной политике, но и в повреждении общественной морали. С этих позиций он подходил к характеристике положения в стране. Задача спасения родины от моральной деградации могла и должна была объединить всех граждан. Поэтому в рядах ГРС не только могли, но и должны были объединиться граждане различных идейно-политических взглядов. «Это движение, – отмечал Иригойен, – собрано для общих и совместных целей [...], в его рядах не только совместимы все убеждения [...], но они придают ему его истинное значение»¹⁶.

Для Иригойена радикализм – прежде всего этика, а затем уже идеология. Причины всех бед – моральный и политический кризис, за которым неизбежен кризис экономический. Борьба против коррупции, аморальности и разложения – это гарантия для осуществления демократии. Мораль и демократия неразрывны. Именно в моральной области Иригойен радикален. Здесь он искал корень всех бед.

С этих позиций Иригойен подходил к участию ГРС в политической жизни страны и к другим политическим партиям. Для него не подлежало сомнению, что пока не выполнена программа морального исправления, не восстановлен механизм свободного голосования, до тех пор все проекты, претендующие быть правительственной программой были бы «во зло Республике», а участие ГРС в партийной борьбе низвело бы его до положения партий-прислужников режима, морально дискредитировало бы радикалов.

Социалисты не понимали и не принимали политику радикалов. Для них главным препятствием для установления политической демократии являлось не повреждение общественной

¹⁶ Yrigoyen, 1956, Т. II. P. 124–125.

морали, а «креольская политика» – беспринципная борьба за власть различных клик. В глазах социалистов ее олицетворением была не только олигархия, но и радикальная партия. Не случайно, поэтому социалистическая партия осудила восстание радикалов в 1905 г. В своем заявлении она квалифицировала ГРС как партию без программы и морали, которая своими действиями затрудняет «политическое возрождение», и подчеркивала, что трудящиеся, организованные в политическую партию, должны «держаться подальше от этих раздоров спровоцированных чрезмерной жадностью власти и низменными эмоциями»¹⁷.

«Закон Саенса Пеньи» 1912 г. – о всеобщем обязательном и тайном голосовании – открыл радикалам путь к власти: в 1916 г. Иригойен был избран президентом Аргентины, а социалистам – доступ в Национальный конгресс, где они сформировали фракцию в обоих его палатах.

Взгляды Иригойена, его концепция исправления аргентинского общества нашли отражение в правительственной политике в годы первого (1916–1922) и второго (1928–1930) президентства лидера радикалов.

Придя к власти, Иригойен прежде всего постарался окончательно демонтировать олигархический режим, проведя демократизацию общественно-политической жизни на местах. С этой целью президент, используя конституционное право на «интервенцию» в провинциях, добился проведения там новых выборов и устранения консерваторов из органов власти.

Политика Иригойена встретила противодействие не только консерваторов, но и социалистов. Социалистическая партия, которая отрицала за ГРС общедемократический характер, также выступала против демонтажа существующей политической системы. Социалисты делали это, исходя из иных, чем консерваторы, соображений. В принципе Хусто не исключал возможности совместных действий социалистов с радикалами для, как он говорил, «хороших дел» в палате депутатов, где обе партии имели большинство. Для этого ГРС, по его мнению, должен прекратить проводить «креольскую политику», что помимо

¹⁷ Цит. по: Cuneo, 1956. P. 287.

наличия программы, предполагало уважение прав оппозиции, готовность самой радикальной партии лояльно играть роль меньшинства в провинциях. Хусто следующим образом, обрисовал точку зрения социалистов на роль ГРС в провинциях, где господствовали консерваторы: «Радикальной партии в провинции Буэнос Айрес, возможно, принадлежит наиболее нужная роль как партии в аргентинской политике – играть роль сознательного меньшинства. Это то, чего всегда не хватало нам»¹⁸.

Сотрудничество социалистов и радикалов не состоялось. Социалисты не принимали политику «национального исправления» радикалов в основном по доктринальным соображениям. Будучи материалистами, они не верили в моральное исправление людей без изменения социально-экономических условий их жизни. Для них «добродетель», о которой говорили радикалы, являлась самообманом, а на практике представляла собой прикрытие для проведения прежней политики.

Социалистов и радикалов продолжало разделять различное понимание того, что является главным препятствием для утверждения политической демократии в стране. Для социалистической партии таким препятствием продолжала оставаться «креольская политика». Принятие закона о всеобщем избирательном праве, сколь бы важен он не был, само по себе кардинально изменить политическую систему не могло, пока на выборах не выступали политические партии с ясно изложенной программой.

Отдавая должное Иригойену как демократически избранному президенту, социалисты не хотели видеть принципиальной разницы между консерваторами и радикалами до тех пор, пока последние не выдвинут собственную программу преобразований. Поскольку Иригойен стал президентом, не имея такой программы, свободные выборы, по мнению соцпартии, не вышли за рамки «креольской политики», так как голоса избирателей продолжали служить инструментом борьбы за власть между различными кликами. Позицию социалистов по этому во-

¹⁸ Argentina Congreso nacional. Cámara de diputados. 1917. Buenos Aires, 1917. T. I. P. 337–338.

просу Хусто выразил в следующих словах: «Говорят о народном голосе. Но народный голос понимается креольской политикой не иначе как голос несознательный, как голос электроальной скотины»¹⁹.

Для соцпартии выборы являлись не самоцелью, какими бы демократическими они не были, а средством добиться необходимых стране изменений. Поэтому избиратель должен не просто голосовать, отдавая свой голос тому или иному кандидату, а активно участвовать в управлении общественными делами, в проведении реформ, что предполагало сознательное голосование за определенную политическую программу.

Социалисты справедливо считали, что основная масса их потенциального электората находится в столице и в прибрежных провинциях. Поэтому не случайно они требовали от правительства радикалов в качестве первоочередной меры реформу «избирательной географии» – распределение избирательных округов в соответствии с численностью населения. Это предполагало выборы большинства депутатов от «наиболее заселенной, богатой, развитой и культурной части населения»²⁰.

Исходя из этих же соображений, социалисты считали неприменимой к условиям Аргентины федеральную систему правления, рассматривая эту часть конституции «как мертвую букву», препятствие в осуществлении назревших реформ, поскольку большинство провинций не обладало необходимыми экономическими и культурными ресурсами для укрепления подлинной федеральной автономии²¹.

В целом отношение социалистов к конституции было достаточно прагматичным и кардинально отличалось от позиции радикалов. Разъясняя позицию социалистов, Хусто говорил: «Я понимаю, что революционная партия, каковой являемся мы, в вопросах конституции имеет очень простые принципы. Мы говорим: мы хотим, чтобы наших сил было достаточно для того, чтобы принудить исполнять конституцию в той части, в кото-

¹⁹ Ibid. P. 333.

²⁰ Diputados. 1916. Buenos Aires, 1917. T. V. P. 4833.

²¹ Diputados. 1918. Buenos Aires, 1919. T. V. P. 325.

рой она нас устраивает. И мы хотим также иметь достаточно сил, чтобы нарушать конституцию в той части, которая нас не устраивает или же не устраивает массу народа, которую мы представляем»²².

Не разделяя преклонения радикалов перед основным законом, не видя в конституции знамени необходимых реформ, социалисты в то же время решительно выступали против «автократического централизма», проявления которого они усматривали в политике правительства Иригойена. В этом вопросе их позиция не отличалась от позиции консерваторов, которые рассматривали президентство Иригойена как наступление нового «униканьо» – президентского самодержавия. Для его обуздания социалисты предлагали поставить правительство радикалов под контроль конгресса. Учитывая преобладание консерваторов в конгрессе в первые два года президентства Иригойена, это под их контроль ставилась деятельность правительства Иригойена. Не случайно, что радикалы включали в состав режима и социалистов.

Для Иригойена, в отличие от социалистов, свободные выборы сами по себе имели огромную ценность. По его мнению, свобода голосования имела не только политическое значение, но заключала в себе глубокое морально-этическое содержание. Уважать свободный голос значило уважать человеческое достоинство, личность. Необходимо считать священным сам акт подачи голоса человеком, который таким образом выражает свою волю. Лишить его этой возможности, значит ограбить его.

Абстрактные, на первый взгляд, призывы Иригойена отвечали вполне конкретным потребностям страны. Моральная политика, за которую ратовали радикалы, предполагала формирование морального человека, т.е. человека, который считал бы своим моральным долгом исполнение политических прав, прежде всего избирательных. Таким образом, конституционные установления, которые существовали сами по себе, вне сознания человека, стали бы существовать в нем самом. Формирование политического сознания через этику вело к формированию

²² Diputados. 1917. T. I. P. 325.

гражданина, вне зависимости от его классовой принадлежности на всей территории страны, в «богатых» и «бедных», «развитых» и «неразвитых» провинциях.

У социалистов формирование политического, гражданского сознания шло через борьбу за социально-экономические требования, через отстаивание материальных интересов вполне определенных общественных классов и специальных групп: рабочих, фермеров-чакарерос, средних городских слоев. «Морально-этическое направление», которое проповедовал ГРС, и социально-экономический реформизм соцпартии лежали в разных цивилизационных плоскостях. Если радикалы исходили из культурно-исторических условий страны, то социалисты рассматривали сами эти условия как показатель отсталости Аргентины и считали необходимым бороться с ними, беря за образец партийно-политические модели западноевропейских стран. Такая «европеизированность» соцпартии сближала ее с консерваторами и ставило в идейное мировоззренческое противостояние с радикалами. Здесь лежали корни неприятия социалистами самой идеи «национального исправления» и их блокирование с консерваторами, которое Иригойен назвал «контурберньо» – предосудительным союзом.

Если препятствием для демократизации общественно-политической жизни страны являлась «креольская политика», то корни социально-экономической отсталости социалисты видели в латифундизме. В отличие от других переселенческих стран – США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, где за каждым переселенцем признавалась собственность на занятую им землю, Аргентина была страной латифундий. Здесь, как и в других латиноамериканских странах, право на земельную собственность, полученное спекулянтами и фаворитами правительства, значило больше, чем права поселенцев. В стране существовала аграрная проблема. «Нельзя, – писал Хусто, – чтобы немногочисленный класс помещиков, удовлетворенный получением ренты с незаселенных и едва обрабатываемых латифундий, изъял их из жизни и производства целого континен-

та»²³.

Такое положение объяснялось историческими особенностями развития Аргентины. После завоевания независимости аграрная эволюция протекала на основе так называемой систематической капиталистической полонизации, суть которой состояла не в создании класса фермеров-собственников, а пролетариата и в присвоении земли высшими классами. С этой целью доступ к земле затруднялся систематическим и искусственным повышением цен на нее. Аграрное законодательство благоприятствовало скупке земли и разнузданной спекуляции, результатом чего стало экстенсивное и кочевое земледелие, немногочисленное сельское население и его слабая укрепленность на земле. Подавляющая часть земледельцев являлась арендаторами. Аренда земли носила краткосрочный и крайне невыгодный для них характер.

Правительственная политика в области иммиграции сводилась к искусственной иммиграции и преследовала цель не заселить страну свободными фермерами-собственниками земли, а иметь в изобилии дешевую рабочую силу.

Латифундия и искусственная иммиграция препятствовали демографическому, технико-экономическому и социально-политическому прогрессу страны и прямо затрагивали интересы трудящихся. «Дорогая земля высокая рента, – отмечал один из руководителей социалистической партии Э.Дикман. – имеет своим следствием низкую зарплату, редкое и убогое население»²⁴.

Что же конкретно предлагали социалисты? Получив места в палате депутатов, парламентская фракция социалистов предложила законопроект «Об аграрной колонизации», суть которого заключалась в скупке государством частных земель и раздел их на участки, размер которых варьировался в зависимости от плодородия и расположения земли. 20% стоимости должны были выплатить при получении надела, а 80% платились в рассрочку при 8% годовых. Для стабильного хозяйствования фер-

²³ Justo, 1917. P. 3.

²⁴ Dickman, 1915. P. 21.

меров предусматривалась не отчуждаемость надела, меры против спекуляции и снижения риска в случае неурожая²⁵. Помимо этого, социалисты предлагали увеличить налогообложение латифундистов; обязать собственников оплачивать арендаторам произведенные ими улучшения и увеличить минимальный срок аренды до 5-7 лет. В обоснование своих предложений социалисты ссылались на требования Аргентинской аграрной федерации (ААФ), возникшей в ходе забастовки арендаторов в 1912 г.

Движение явилось протестом фермеров-арендаторов против системы землепользования, которая обогащала владельцев земли и связанные с ними иностранные компании. Оно получило поддержку социалистической партии. Социалисты развернули антилатифундистскую кампанию в партийной прессе, провели в Буэнос-Айресе ряд митингов солидарности с фермерами (чакарерос)

Хусто посетил зону конфликта и выступил перед чакарерос с разъяснением позиции социалистической партии в аграрном вопросе. Хусто подчеркнул, что социалистическая партия намерена добиваться в национальном конгрессе принятия законодательства в их интересах. Для освобождения от различных форм эксплуатации Хусто призвал чакарерос организовывать кооперативы: «Потребительские кооперативы, чтобы освободиться от торговцев; заготовительные кооперативы, чтобы освободиться от скупщиков; кооперативы взаимной помощи от стихийных бедствий; арендные кооперативы совместно с латифундистами для раздела на фермы и передачи пайщикам»²⁶. Позиция социалистической партии в отношении движения чакарерос была единственным случаем в ее политической практике сочетания внепарламентских и парламентских методов борьбы.

Вместе с тем социалисты не ограничивались защитой прав арендаторов. Конечной целью их аграрной политики являлось ликвидация латифундизма. Однако они выступали против экс-

²⁵ Diputados. 1917. Т. IV. P. 2850–2853.

²⁶ Grela, 1958. P. 263.

проприации латифундий и их раздела, так как «экспроприировать латифундию – это значит заплатить за нее дорого, увеличить цену соседних латифундий и способствовать спекуляции». Вместо экспроприации латифундий они предлагали прогрессивный налог на земельную ренту и налог на большую стоимость, которая получается не в результате усилий землевладельца, а всего общества. Земельная рента – это чистая привилегия и общество вправе конфисковать ее полностью или частично в свою пользу. Эти меры, по мнению социалистов, являлись настоящей панацеей против «аргентинского зла – латифундий»²⁷. Они должны были сопровождаться освобождением от налогообложения мелких землевладельцев; возмещением арендаторам стоимости произведенных улучшений; развитием в сельской местности кооперативного движения²⁸.

Одновременно прогрессивное налогообложение земельной собственности позволяло уменьшить или вовсе отменить многие косвенные налоги, «которые сейчас, по словам Хусто, обременяют жизнь и работу, препятствуют развитию производства и торговли и отдают нас в руки трестов»²⁹. Налоговая реформа позволяла решить проблему внешнего долга, поскольку «ему (долгу. – В.К.) нельзя противостоять сбором обычных налогов, взятых у потребителей»³⁰.

Социалисты подчеркивали законный характер своих требований, ссылаясь на ст. 67 п. 2 национальной конституции, которая давала право конгрессу устанавливать прямые налоги, которых требует благо государства.

Пути устранения латифундий социалистическая партия усматривала не только в законодательных и финансовых мерах, но и в ликвидации их основы – экстенсивного животноводства. Разведение скота должно перейти из эстансий в фермы, стать неотъемлемой частью развития земледелия. «В Аргентинке, – говорил Хусто, – принято разделять скотоводство и земледелие

²⁷ Dickman, 1915. P. 22.

²⁸ Movimiento socialista y obrero, 1910. P. 136–137.

²⁹ Diputados 1917. T. II. P. 495.

³⁰ Ibid.

[...]/. В других странах под земледелием понимается растительное и животное производство, которое осуществляется на полях.. В стране необходимо увеличить за счет эстансий число ферм, которые являются центрами земледельческого производства в истинном значении этого слова»³¹.

Социалисты были убеждены, что от решения аграрной проблемы зависело и политическое будущее страны, судьба демократии. Социальным результатом систематической капиталистической колонизации стало образование помещичьей олигархии, которая, разделенная на фракции правила без участия народа, хотя внешне имела республиканский и демократический вид. Хусто называл ее также плутократией, живущей за счет повышенной эксплуатации трудящихся. В результате решения аграрной проблемы она бы исчезла, и на смену олигархическому режиму пришла бы демократия. Но пока «сельская местность оставалась лугом для выпаса скота и необрабатываемых латифундий, в Аргентине не могло быть ни демократии, ни республики».

ГРС не шел так далеко, не был столь радикален в решение аграрной проблемы как социалисты. Иригойен признавал существование в стране аграрного вопроса, который, по его мнению, заключался в отсутствии мелкого аграрного капиталиста, способного приобрести землю, обосноваться на ней и вести хозяйство в соответствии с современным уровнем агрикультуры. Этому мешало ккал отсутствие финансовых средств у колонистов, так и монополия крупной частной собственности на землю, оставлявшей невозделанными огромные земельные площади. Государство должно было взять на себя проведение реформы, заменить частную колонизацию государственной, аналогичной той, что проводили в других переселенческих странах: покупка правительством земли и ее продажа в кредит колонистам участками не более 200 га. Предполагалось, что колонисты, размещенные на земле под руководством правительства и при его финансовой помощи, будут эксплуатировать землю в

³¹ Diputados. 1922. T. VII. Buenos Aires, 1925. P. 638.

соответствии с нормами сельскохозяйственной науки³². Вмешательство государства в аграрные отношения преследовало также цель удалить из городов излишнее население и ослабить тем самым накал классово-борьбы. На практике аграрная политика радикалов касалась в основном фонда государственных земель, отношений между земельными собственниками и арендаторами.

Целью политики «исправления» в аграрной сфере стало возвращение государству незаконно отчуждаемой земли; ее перераспределение в интересах национального экономического развития, социальной справедливости и провозглашенной свободы человека. Правовой основой для действий правительства послужила ст. 10 закона 1903 г. об общественных землях, где предусматривалось возвращение государству проданных и сданных в аренду земельных участков, если их владельцы оставляли землю неосвоенной³³. Речь шла, прежде всего о скупщиках и спекулянтах, которым принадлежали сотни тысяч га земли. Против таких латифундий решительно выступило правительство Иригойена. Оно стремилось предотвратить их возникновение, как на федеральных землях, так и на землях провинций. Иригойен воспротивился намерению властей провинции Сантьяго дель Эстерио продать одним участком 1,7 млн га общественной земли. Разъясняя свою позицию неприятия латифундий, президент в телеграмме губернатору провинции писал: «Латифундия тормозит прогресс, потому что спекулирует на его издержках, изымая огромные пространства из полезной и эффективной коллективной работы»³⁴. Продажа земли не состоялась.

Для Иригойена «общественная земля не была товаром, предметом коммерциализации», а представляла собой «элемент работы», являлась «объектом труда, инструментом прогресса и

³² Diputados. 1916. T.IV. P. 62779–2780.

³³ Ley núm. 4167 // Diputados. 1902. Buenos Aires, 1930. T. II. P. 1274–1276.

³⁴ Del Mazo, 1983. P. 50.

фактором цивилизации»³⁵.

В 1917–1921 гг. государство возвратило 6 млн га и началось распределение 7 млн га общественной земли среди колонистов. С целью развития фермерских хозяйств на этих землях правительство внесло в конгресс серию законопроектов, касающихся поощрения земледельческо-скотоводческой колонизации: создания национального аграрного банка; развития сельскохозяйственных кооперативов³⁶.

В аграрной политике Иригойена содержался зачаток аграрной реформы, поскольку правительство начало конфискацию незаконно отчужденной земельной собственности у латифундистов. Речь шла о частичной аграрной реформе, которая лишь в незначительной степени затрагивала латифундистское землевладение, и, по существу, означала колонизацию. Это была попытка мирного решения противоречий между чакарерос и эстаньеро, что отвечало главной установке радикализма на сотрудничество, а не на борьбу классов.

В целом земельная политика радикалов благоприятствовала формированию мелкой и средней собственности на национальных территориях при сохранении латифундизма в пампе.

Наряду с проблемой общественных земель главной заботой правительства радикалов стало обеспечение прав сельскохозяйственных арендаторов. До прихода радикалов к власти арендаторы были беззащитны перед произволом латифундистов, отсутствовало законодательство по защите их прав, и они находились в полной зависимости от землевладельцев, как в выборе культур, так и в реализации урожая.

Иригойен рассматривал аренду как важную составную часть аграрного вопроса и подходил к ней с позиции примирения интересов землевладельцев и арендаторов, устранения антагонизма между ними. В конкретно-исторических условиях Аргентины того времени принцип примирения означал попытку впервые определить права несобственника и защитить его законодательно. Поддержав права арендаторов, Иригойен выступил

³⁵ Diputados. 1921. Т. III. P. 3.

³⁶ Diputados. 1919. Т. II. P. 613–618; Т. V. P. 717–719.

против системы, защищавшей исключительно права латифундистов.

Представленный правительством законопроект о сельскохозяйственной аренде исключал из контракта все обременительные для арендатора условия, ставившие его под жесткий контроль владельца земли. Отныне арендный договор должен был заключаться в письменной форме и вноситься в аграрный регистр. Аренда могла передаваться по наследству. Срок аренды устанавливался в 5 лет для целинных земель и 3 года для остальных. Арендатору разрешалось построить дом, иметь огород и сад, содержать домашнюю птицу и скот, для которого отводились пастбища. Имущество арендатора, включая орудия труда, не подлежало аресту. По истечении срока аренды собственник земли обязан был возместить арендатору все произведенные им улучшения. Аннулировались следующие обязательства арендатора: продавать урожай владельцу земли или указанному им лицу и компании; обмолачивать, скирдовать, перевозить продукцию на назначенных землевладельцем машинах и у определенных компаний или лиц³⁷.

Основное положение законопроекта вошло в закон о сельскохозяйственной аренде, принятый конгрессом в 1921 г.³⁸ Этим законом был сделан первый шаг в регулировании отношений между землевладельцами и арендаторами, в превращении арендатора из полукочевого чакарероса в полноценного фермера. Закон впервые ставил границы принципу абсолютной свободы контракта и частной собственности.

Вместе с тем закон имел и существенные недостатки. Действие его распространялось на аренду участков площадью до 300 га. Земельным собственникам, чтобы обойти закон оказывалось достаточно сдавать в аренду свыше 300 га, что они и стали практиковать. Это вызвало недовольство арендаторов и в конгрессе прозвучали требования реформы закона³⁹.

В 1929 г. в годы второго президентства Иригойена, закон о

³⁷ Disputados. 1919. Т. II. P. 613–614.

³⁸ Ley núm. 1170 // Senadores. 1921. Buenos Aires, 1922. P. 822–823.

³⁹ Disputados. 1921. Т. V. P. 28–29.

сельскохозяйственной аренде был изменен. Изменения устранили недостатки предыдущего закона, который ограничивал площадь арендуемой земли 300 га. Отныне арендой могли пользоваться все, кто хотел заниматься сельским хозяйством, от мелких скотоводов до огородников. Расширился круг имущества арендатора, которое не могли быть изъято за долги в случае неурожая. Эта статья преследовала цель не позволить превратить арендатора в пеона⁴⁰. Таким образом, в случае взыскания долгов продаже подлежала лишь часть имущества, отчуждение которой не влекло за собой расстройство хозяйства арендатора. Закон способствовал также борьбе с неграмотностью, обязав землевладельцев предоставлять помещение для школы в случае ее отсутствия в радиусе 2 км от хозяйства⁴¹.

Закон о сельскохозяйственной аренде призван был модернизировать понятие собственности, привести его в соответствие с новыми реалиями, возникшими после принятия в 1869 г. Гражданского кодекса. Речь шла об ограничении абсолютного права собственника, придании ей социальной функции. «Собственность, – подчеркивал лидер радикалов в сенате Д.Л. Малинари, – имеет границы, которые на нее накладывает общественная необходимость»⁴².

Реформированный закон о сельскохозяйственной аренде стал первой попыткой решить противоречие между землевладельцами-латифундистами и чакарерос. Прежде всего он уравнивал в правах арендатора с собственником при заключении договора. Это должно было стать условием ликвидации гражданской и имущественной неполноценности земледельца. Закон был направлен на ограничение извлечения ренты при помощи сдачи в аренду земли на кабальных условиях для чакарерос, что являлось одной из основ благополучия латифундистов.

Устранение этих условий аренды давало возможность развитию предпринимательской аренды. Закон сохранял имущественную обеспеченность арендатора, что в перспективе позво-

⁴⁰ Disputados. 1929. Т. III. P. 613.

⁴¹ Senadores. 1929. Т. III. P. 310.

⁴² Ibid. P. 613.

ляло ему даже в случае неурожая продолжать вести хозяйство. Становлению хозяйственной самостоятельности арендатора способствовало также право свободно распоряжаться выращенным урожаем. Пятилетний срок аренды преследовал цель покончить с краткосрочной арендой, которая исключала возможность повышения техники земледелия, губительно действовала на сдаваемую в аренду землю. Закон стал максимумом того, что радикалы могли и хотели сделать в аграрной сфере.

Социалисты поддержали закон от нападок консерваторов, требовавших сохранить свободы контракта. Как и радикалы они подчеркивали его охранительную функцию, как средство избежать революции. В этом вопросе они были едины. Радикал Р.Д. Сакконе: «Если мы оставим все, как есть, мы придем к аграрной революции»⁴³. Аналогичного мнения придерживался и социалист Э. Дикман: «Если все собственники думают так же, как сеньор депутат (консерватор – *В.К.*) не остается ничего иного, как идти на аграрную революцию»⁴⁴.

В целом социалисты были невысокого мнения об аграрной политике ГРС. Без прогрессивного налогообложения земельной собственности цена земли будет постоянно расти. Поэтому государство не должно стремиться к понижению аренды, а должно путем прогрессивного налогообложения изъять земельную ренту из ее (цена земли – *В.К.*) будущего увеличения. В противном случае «это бремя, – указывал Хусто, – будет висеть на новых собственниках, даже когда они будут приобретать землю для обработки»⁴⁵.

Социалистическая партия не обошла вниманием и проблему зависимости страны, роли в ней иностранного капитала. В одной из своих ранних работ Хусто характеризовал Аргентину как «простую европейскую колонию, хотя и с политической независимостью»⁴⁶. Не изменил он своего мнения и в конце жизни. Выступая в 1921 г. в палате депутатов национального кон-

⁴³ Senadores. 1929. Т. III. P. 607.

⁴⁴ Ibid. P. 611.

⁴⁵ Diputados. 1917. Т. I. P. 490.

⁴⁶ Justo, 1980. P. 82–83.

гресса он заявил, что «мы являемся бóльшими данниками за- границы, чем в 1810 г. Формально мы являемся независимыми и политически свободными, но по, сути, мы находимся в больше зависимости, чем столетие назад, от иностранной силы и власти. И нет более абсолютной, более всепоглощающей, более тиранической власти, чем власть монополий, чем власть капиталистических предприятий [...] мы подчинены крупным железнодорожным предприятиям, которые все являются иностранными. Все они хорошо известны. Все они находятся в Лондоне»⁴⁷. Осуждая конкретные проявления хозяйничанья иностранного капитала в стране, лидеры социалистов признавали его как «реальность, способствующую политическому и социальному развитию страны»⁴⁸.

В экономической области партия выступала за свободу торговли и отвергала протекционизм. «Для нее (рабочей партии – В.К.) нынешние таможенные препоны торговле между народами носят такой же варварский характер, – писал Хусто, – как и те, что 50 лет назад препятствовали торговле провинции с провинцией. Их нельзя беречь, как только в том случае, если они необходимы для функционирования уже существующих предприятий, чье разорение нанесет вред занятым на них рабочим»⁴⁹.

Социалистами не подвергалась сомнению агроэкспортная модель аргентинской экономики, которая, по их мнению, отвечала интересам страны, обеспечивая ей внешний рынок. Она была также в интересах трудящихся, давая им возможность покупать товары по более низким ценам, чем те, по которым они производились бы в стране. В международном разделении труда согласно этой концепции, Аргентина оставалась аграрной страной.

Радикалы также не ставили под вопрос агроэкспортную модель. Как и социалисты, они полагали, что сельское хозяйство еще долго останется основой экономики страны. Однако уже в

⁴⁷ Цит по: De Titto, 2010. P. 109.

⁴⁸ Цит. по: Walter, 1977. P. 117.

⁴⁹ Justo, 1909. P. 465.

первом послании конгрессу Иригойен поставил под вопрос краеугольный камень прежней эконмической политики – «благотворную» роль иностранного капитала. Президент критически оценивал результаты участия иностранного капитала в экономической жизни страны, которые, по его словам, «не решали наших жизненных проблем в той степени, в какой этого требуют нация»⁵⁰.

Уже в годы первого президентства Иригойен выдвинул целую серию реформ с целью ослабления зависимости Аргентины: установление государственной монополии на экспорт зерновых, ликвидировав тем самым посредничество иностранных компаний⁵¹ и создание собственного торгового флота⁵²; положить конец привилегиям английских железнодорожных компаний в интересах развития национальной экономики и создания прочного внутреннего рынка, ориентированного на соседние страны⁵³. Иригойен не выступал за национализацию железных дорог, считая это делом будущего. Он полгала, что государство должно постепенно получить преобладающие позиции в предприятиях общественного пользования⁵⁴.

Политика ГРС приобрела ярко выраженную националистическую, антиимпериалистическую окраску, когда радикалы выступили с призывом национализировать нефтяную отрасль. Выдвинутое Иригойеном требование установить государственную монополию на добычу, переработку и сбыт нефти⁵⁵, дали всей его программе тот стержень, которого ей не хватало в годы первого президентства.

Предложения Иригойена выходили за рамки обычной реформы. Речь шла о серьезном структурном преобразовании, которое могло иметь многообразное влияние, как на экономику, так и политику страны в целом. Нефтяная монополия означала встраивание государства в базисные отношения. Тем самым

⁵⁰ Diputados. 1917. Т. II. P. 371.

⁵¹ Ibid. 1919. Т. III. P. 196.

⁵² Ibid. 1918. Т. III. P. 784–786.

⁵³ Ibid. 1919. Т. VII. P. 856–857.

⁵⁴ Senadores 1920. Т. II. P. 4–5.

⁵⁵ Diputados. 1928. Т. II. P. 390.

оно обретало известную самостоятельность и способность оказывать влияние на выбор пути социально-экономического развития. В то же время нефтяная монополия подводила под политику Иригойена солидную финансовую базу в виде доходов от нефти. Она стала бы рычагом для вывода Аргентины за рамки агроэкспортной модели, поскольку создание государственной нефтяной промышленности увязывалось с развитием гидроэнергетики и государственной железнодорожной сетью для связи с соседними странами. По существу, Иригойен планировал создать топливно-энергетическую базу и инфраструктуру, что стало бы прочной основой для проведения в будущем индустриализации.

Социалистическая партия выступила против государственной нефтяной монополии, предложенной радикалами. Ее позицию определяло неприятие государственного вмешательства в развитие нефтяной промышленности. Социалисты по-прежнему находились в рамках либеральной парадигмы. Их позицию выразил Э. Дикман: «Государство плохой собственник, еще худший производитель и наихудший торговец»⁵⁶. В их представлении государственная монополия являлась наиболее архаичной формой хозяйственной деятельности, способной нанести огромный ущерб экономическому развитию страны. «Мы таким образом, – заявил К. Ренетто, – оставим страну без нефти и керосина»⁵⁷.

Социалисты выступали против нефтяной монополии также и по политическим соображениям. Они считали, что позиция радикалов вызвана исключительно предвыборными соображениями и помимо того, что приведет к финансово-экономическому кризису, станет инструментом политической коррупции. Демагогией была, по их мнению, и заявленная радикалами борьба против нефтяных трестов, поскольку, как сказал депутат Х.Л. Пенья, «аргентинское правительство значительно слабее любого международного треста, и утверждать обратное, значит

⁵⁶ Diputados. 1927. Т. III. P. 38.

⁵⁷ Ibid. P. 629.

игнорировать действительность»⁵⁸.

Противники радикалов отвергали и другой их довод в пользу национализации нефти: в случае угрозы войны страна окажется в руках иностранных компаний. Их беспокоила, прежде всего, экономическая эффективность нефтяной промышленности, а не угроза суверенитету страны, которую они считали надуманной.

Решение нефтяной проблемы они усматривали в создании смешанной компании. В отличие от монополии которая ведет к росту бюрократии и неэффективна в экономическом плане, смешанная компания свободна от административных стеснений государственного учреждения и в ней в наилучшей степени согласуются государственные и частные интересы. При смешанной эксплуатации представители государства и акционеров осуществляют взаимный контроль, но государство, располагая правом вето, осуществляет руководство компанией⁵⁹.

Накануне военного переворота 1930 г., свергнувшего правительство радикалов президента Иригойена, социалисты не присоединились к антиправительственной оппозиции, рассматривая ее как беспринципную, объединенную лишь ненавистью к Иригойену. Одновременно они так же резко критиковали правительство радикалов. К старым разногласиям прибавились обвинения Иригойена в установлении «уникато» – президентского самодержавия. В одном из радиовыступлений Э. Дикман сравнил Иригойена с диктатором Х.М. Росасом, «поскольку тот и другой использовали насилие»⁶⁰.

Выход из создавшегося в 1930 г. политического кризиса социалисты видели в возвращении к строгому соблюдению конституции, в создании настоящей многопартийной системы, при которой только и возможно стабильное функционирование демократического режима. Радикалы должны отказаться от претензии на то, чтобы представлять всю нацию, т.е. стать обычной буржуазной партией наподобие европейских. Они по-

⁵⁸ Ibid. T.IV. P. 497.

⁵⁹ Ibid. P. 333.

⁶⁰ La Vanguardia. 1929. 30 oct.

прежнему считали, что господствующие классы должны создать собственные классовые партии, а социалистической партии дать право защищать интересы трудящихся⁶¹. Только при этом условии будет покончено с возможностью появления режима «уникато». В противном случае страна не гарантирована как от народного, так и от военного возмущения⁶². Для социалистов были неприемлемы оба варианта. Они продолжали верить в государственную силу всеобщего избирательного права, называя его «перманентной революцией», которая решает «наилучшие формулы решения больших проблем»⁶³, при условии, если трудящиеся будут принимать активное участие в формировании и осуществлении власти.

Положение в Аргентине в 1930 г. было далеко от этих идеальных условий. Военный переворот в сентябре 1930 г. не только свергнул правительство Иригойена но и надолго покончил с демократическим режимом в стране.

БИБЛИОГРАФИЯ REFERENCES

- Argentina Congreso nacional. Cámara de diputados: 1916. Buenos Aires, 1917. Т. IV, V; 1917. Buenos Aires, 1917. Т. I, II; 1918. Buenos Aires, 1919. Т. V, VII; 1919. Buenos Aires, 1919. Т. II. V; 1921. Buenos Aires, 1921. Т. III, V; 1922. Buenos Aires, 1923. Т. VII. 1927. Buenos Aires, 1928. Т. III. IV; 1929. Buenos Aires, 1929. Т. II. IV; 1930 Buenos Aires, 1931. Т. II.
- Cámara de senadores. 1920 Buenos Aires,, 1922. Т. II; 1929. Buenos Aires, 1930. Т. III.
- Cuneo D.* Justo y las luchas sociales en la Argentina. Buenos Aires, 1956.
- Del Mazo G.* La primera presidencia de Yrigoyen. Buenos Aires, 1983.
- De Titto R.J.* (Comp.) El pensamiento del socialismo y la izquierda. Buenos Aires: El Aeneo, 2010.

⁶¹ Diputados. 1929. Т. II. P. 881, 882.

⁶² Ibid. 1930. Т. II. P. 536–537.

⁶³ La Vanguardia. 1929. 26 oct.

- Dickman E.* Inmigración y latifundio. Buenos Aires, 1915.
Grela P. El grito de Alcorta. Rosario, 1958.
Yrigoyen H. Pueblo y Gobierno. T. I–XII. Buenos Aires, 1956.
Justo J.B. La cuestión agraria. Buenos Aires, 1917.
Justo J.B. La cuestión nacional. Buenos Aires, 1980.
Justo J.B. Teoría y práctica de la historia. Buenos Aires, 1909.
Movimiento socialista y obrero. Buenos Aires, 1910.
Ratzer J. Los marxistas argentinos del 90. Córdoba, 1970.
Walter J.B. The Socialist Party of Argentina. Austin (Tex.), 1977.
Yrigoyen H. Mi vida y mi doctrina. Buenos Aires, 1983.